

ПУШКИН В КИТАЕ

Наталья Александровна ЛЕБЕДЕВА,
кандидат филологических наук

В первой главе «Евгения Онегина» есть несколько зачеркнутых стихов, которые читаются так:

Конфуций — мудрец Китая
Нас учит юность уважать,
От заблуждений охраняя,
Не торопиться осуждать.
Она одна дает надежды,
Надежду может... (6.219—220)

Исследователи пока не обратили должного внимания на эти строки, но нас, стоящих на пороге темы «Пушкин в Китае», они заставляют задуматься о вечном и непрерывном взаимодействии культур.

В каждой национальной культуре есть так называемые знаковые фигуры, которые, как правило, и становятся ее символами для других народов. Пушкин, несомненно, принадлежит когорте таких деятелей.

«Пусыцзинь» — так произносится по-китайски фамилия великого русского поэта. Чужая транскрипция несколько искажает привычное звучание, но тем приятнее в потоке речи узнать родное. В Китае переведены почти все произведения поэта, существует и китайское пушкиноведение. В 1937 г., в год столетия гибели Александра Сергеевича, в Шанхае на улице Фэньяну воздвигли памятник Пушкину, единственный в Китае монумент иностранному писателю.

Серьезный интерес китайской интеллигенции к личности и творчеству Пушкина постоянен. Этот интерес возник на волне внимания к западноевропейской и русской культуре, который проявился в китайском обществе на рубеже XIX—XX вв.

Любопытно, что интенсивность культурных контактов между цивилизациями Востока и Запада возрастает в кризисные периоды, когда, кажется, собственные ресурсы исчерпаны, и приток новых, свежих идей можно ожидать только откуда-то извне. Тогда будто падают шторы с глаз, отодвигаются великие стены и железные занавесы, и одна культура в состоянии без страха и недоверия взглянуть в лицо другой. Именно в такие эпохи становятся возможными и диалог, и взаимопонимание, и взаимообогащение, подпитываемое острой необходимостью решить свои насущные проблемы.

На пороге XX в. китайские реформаторы искали более прогрессивную модель социального устройства, более справедливые принципы взаимоотношений между людьми, более эффективные подходы к формированию личности. Китайская культура была готова в очередной раз вобрать в себя новые идеи, образы, формы, чтобы, органично усвоив их, переработать в неповторимое китайское своеобразие.

На начальном этапе взаимодействия культур между ними часто существует посредник, с помощью которого осуществляется контакт. В области литературных связей это может быть третий язык, стоящий между языком оригинала и языком перевода. Именно с этого языка-посредника и выполняется перевод. Для русско-китайских литературных связей такими часто становились японский, английский, эсперанто. Понятно, что филологической точности в передаче смысла, не говоря уже о стилистических тонкостях, ждать не приходится, иногда возникает эффект испорченного телефона, но выбора не было. Имели место и элементы адаптации русских реалий к китайским условиям. В начале культурных контактов подобный подход неизбежен и, может быть, даже необходим. Таким образом, первые герои русской литературы появились в Китае в японских костюмах и с английскими именами.

Как правило, сначала для перевода брались прозаические произведения. По сравнению с поэзией их язык был более прост, определен, однозначен. Только на последующих этапах взаимодействия культур появились попытки перевести стихи.

Первое произведение Пушкина в Китае было переведено в 1903 г. переводчиком Цзи Ихуэем и называлось «Сон бабочки среди цветов».

Можно представить, какое удивление это название вызвало у известного китайского переводчика русской классики Гэ Баоцюаня, когда он в молодые годы начинал свои штудии. Он так вспоминал об этом: «... Я обнаружил, что первым русским произведением, вышедшим на китайском языке в 1903 г., был любовный роман «История Смита и Мэри, или Сон бабочки в сердце цветка». Я долго недоумевал, что бы это могло быть: переводное название ставило в тупик. Какова же была моя радость, когда я нашел наконец эту книгу и, ознакомившись с ее содержанием, понял — это пушкинская «Капитанская дочка!» (3, 233).

Итак, то была «Капитанская дочка», переведенная с японского издания 1883 г. Долгое время считалось, что и японский переводчик пользовался не языком оригинала, а переводил с английского. Однако затем все-таки выяснилось, что японский переводчик Такасу Дзискэ владел русским и переводил именно с русского (8, 51—52). Характерно, что «Капитанская дочка» появилась в Китае в качестве учебника жизни, пособия для исправления нравов. Китайские просветители возлагали большие надежды на использование зарубежной, в том числе русской литературы, для воспитания молодежи. Гринев и Мария Ивановна должны были стать для молодых китайцев примером в борьбе за свою честь, достоинство и счастье.

Уже в этой первой ставшей известной в Китае повести Пушкина китайскими читателями было замечено то, что так дорого в его творчестве всему человечеству — проблема свободы, права «маленького человека» на счастье. Именно эти темы были подняты на знамена «литературной революции» 20-х годов, включившей в свою орбиту существеннейшие преобразования в идейной и эстетической сфере литературы. Идущая вслед за антифеодальным демократическим движением «4 мая» 1919 г. «литературная революция» ориентировала новую китайскую литературу на внимание к судьбе обыкновенного человека, на гуманистические ценности, на реалистический метод изображения жизни. Поэтому и китайских литераторов, и читателей «привлекали реализм творчества Пушкина, его художественное мастерство и ясность мысли, социальная направленность, гуманизм и демократизм его произведений, изображавших человеческую личность в ее отношении к обществу, взаимоотношения дворянства и народа, горькую судьбу «маленького человека» (8, 53).

Не удивительно, что следующими в 1919—1920 гг. были переведены из «Повестей Белкина» — «Станционный смотритель», «Выстрел», «Барышня-крестьянка», «Гробовщик». Переводы печатались из номера в номер в литера-

турном приложении к газете «Чэньбао», интригующее «продолжение следует» заставляло читателей ждать следующего выпуска.

В 1920 г. в Пекине был опубликован «Сборник рассказов известных русских писателей» с предисловием Цюй Цюбо, крупного деятеля коммунистического движения, публициста, теоретика искусства. В сборник вошли пушкинские «Станционный смотритель» и «Метель», озаглавленная в переводе «Снег-сват». В небольшом предисловии к сборнику Цюй Цюбо отмечал, что российская действительность, описанная Пушкиным, мало чем отличалась от жизни Китая первых десятилетий XX в. с острыми социальными противоречиями, тяжелой долей крестьянства и мелкого чиновничества. Эти факторы приблизили русского поэта к китайской интеллигенции. Прежде разнесенное во времени и пространстве, теперь благодаря наличию черт типологического сходства между Россией в период формирования критического реализма и Китаем на рубеже XIX—XX вв., в период формирования там китайского типа критического реализма (7, 13), Пушкин стал близок и понятен китайским читателям.

Рос интерес к его произведениям, увеличивалось число переводов. В Китае переведена, по сведениям М.Е. Шнейдера (8, 58), почти вся проза Пушкина, за исключением «Путешествия в Арзрум» и двух отрывков — «Рославлева» и «Романа в письмах». Некоторые вещи переводились неоднократно. Так, в 1921 г. вышел еще один перевод «Капитанской дочки» Ань Шоуи, на этот раз выполненный с русского текста. Третий перевод повести сделан Сюй Сини в 1947 г. Известны также четыре варианта перевода «Дубровского», один из них сделан с английского и назван «Мечь и встреча с красавицей».

Наличие значительного числа переводов потребовало осмысления их качества, что уже само по себе является сложной проблемой. Осуществление адекватного филологического перевода, который передавал бы на другом языке возможно более точно строй языка оригинала, лексические и стилистические особенности речи конкретного автора, всегда было непростым делом, требовало серьезной работы и большого таланта.

В переводах на китайский произведений Пушкина все исследователи наряду с недостатками отмечают и прогресс, связанный с углубленным изучением предмета перевода. Вот что рассказывал о своей работе над пушкинскими текстами уже упоминавшийся здесь переводчик Гэ Баоцюань:

— На первом этапе — серьезное изучение русского языка и в качестве учебного текста чтение «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина. Затем — три года работы в Москве корреспондентом, участие в торжественных мероприятиях в связи со столетием со дня гибели Пушкина, поездка в Михайловское. После возвращения на родину — издание полного собрания прозы Пушкина.

Гэ Баоцюань переводил и пушкинские стихи. «Прежде чем взяться за перевод стихотворений Пушкина мне пришлось глубоко изучить его жизнь, творчество, историю отдельных произведений. Наверное, поэтому до сих пор живут мои переводы пушкинских стихов «К Чаадаеву», «Памятник» и других... Проведя в СССР долгие годы, я полюбил русскую природу, зимний пейзаж. Поэтому, я думаю, и получились достоверные переводы стихотворений Пушкина «Зимний вечер», «Зимнее утро», «Зимняя дорога». Знание страны помогло мне и при переводе стихотворения Пушкина «К***» («Я помню чудное мгновенье»). Не могу не сказать, что мой перевод «Сказки о рыбаке и рыбке» включен в учебники для начальных школ» (4, 241—242).

За этими строчками — целая жизнь человека, связанная с гением другого народа. В этой жизни не только напряженный труд переводчика, культурного кули, по выражению академика В.М. Алексеева, не только радость от творческих удач, но и гонения в годы «культурной революции» именно из-за любви к русской культуре и верности пушкинским идеалам добра и справедливости. В начале 80-х годов, после более чем двадцатилетнего перерыва, Гэ Баоцюань посетил Советский Союз, где ему был вручен орден за выдающийся

вклад в укрепление советско-китайской дружбы. Так за пушкинской строкой, написанной иероглифами, стоит человеческая судьба. Именно поэтому стихи Пушкина в Китае живы.

Одним из первых внимание китайской общественности к поэзии Пушкина привлек Лу Синь в статье «О силе сатанинской поэзии». В ней основоположник новейшей китайской литературы ставил Пушкина в один ряд с Байроном, Шелли, Лермонтовым, Мицкевичем, Петёфи, характеризуя их как «борцов за укрепление духа», которые «могучим голосом зовут... соотечественников к новой жизни» (5, 36, 39). При таком подходе в поэтическом творчестве Пушкина в первую очередь подчеркивался его бунтарско-романтический пафос.

Интересно, что другого известного переводчика — Цюй Цюбо в поэзии Пушкина, в частности в поэме «Цыганы», привлекла ее реалистическая основа, обозначившийся разрыв с идеалами романтизма. Перевод был сделан в начале 30-х годов, опубликован в 1940 г.

По мнению Л.Е. Черкасского, Цюй Цюбо «увидел в поэме Пушкина развенчивание романтического героя, демонстрацию исторической бесперспективности индивидуализма». Для него «прежде всего была важна реалистическая основа «Цыган», в результате существенные элементы романтического письма были переведены в плоскость реалистического стиля, и, таким образом, китайская версия поэмы оказалась более реалистической, нежели пушкинский оригинал... Переосмысление, на которое решился Цюй Цюбо, не искажало мысль подлинника, но воспроизводило ее средствами китайского языка с поправкой на китайскую реальность и китайское восприятие» (7, 30). Таким образом, поэзия Пушкина, как и его проза, в Китае была востребована именно в тех аспектах, которые требовала сама китайская действительность.

В разное время на китайский переведены поэмы «Медный всадник», «Бахчисарайский фонтан», «Граф Нулин», «Полтава», а «Евгений Онегин» переводился с русского, японского, эсперанто. В конце 50-х годов в КНР вышло первое фундаментальное издание, подводившее некоторые итоги, — двухтомный сборник стихотворений поэта, в котором собраны переводы почти всей его лирики.

Как здесь уже отмечено, что в Китае существует и свое пушкиноведение. На китайский язык переведены многие работы русских и советских историков литературы, посвященные Пушкину. Собственно китайская часть исследовательской литературы о Пушкине состоит из предисловий и послесловий к переводам его произведений, юбилейных выступлений, научных статей, биографических очерков, соответствующих разделов в книгах по истории русской литературы. Все это дает возможность китайским читателям достаточно полно ознакомиться с жизнью и творчеством великого русского поэта.

Не зря говорят, что интерес и симпатия, как правило, взаимны. Именно тот искренний интерес, который испытывал сам Александр Сергеевич к Китаю, его народу, его культуре, определил и усилил, по признанию многих китайских пушкинистов, их внимание к Пушкину. Интерес к Китаю у поэта возник еще в юности и тоже через посредника — французскую культуру. Во Франции XVII—XVIII вв. распространились предметы китайского искусства, привезенные португальскими и голландскими кораблями. Увлечение «китайщиной» стало модой и коснулось также литературы и философии. Мог ли молодой Пушкин пройти мимо этого при своей тяге к французской культуре? Исследователи предполагают, что в период его учебы в лицее этот интерес мог проявиться и усилиться под воздействием французской «китаемании», процветавшей в Царском Селе (1, 59). А во время южной ссылки 1820—1824 гг. у поэта проснулся интерес к Ближнему Востоку. Турция, Аравия, магометанский мир привлекали Пушкина своей философией и поэзией. В реальной российской политике того времени остро стояла проблема столкновения Востока и Запада. И хотя интерес к Дальнему Востоку был несколько ослаблен, в Кишиневе и Одессе Пушкин любил беседовать с Ф.Ф. Вигелем, который в

1805 г. вместе с посольством Головкина предпринял не слишком удачное путешествие в Китай (1, 71).

В 1828 г. в Петербурге Пушкин познакомился с Н.Я. Бичуриным (Иакинфом), 14 лет прожившим в Китае в качестве начальника православной духовной миссии и ставшим выдающимся знатоком китайского языка и китайской культуры. Знакомство поэта с этим своеобразным человеком продолжалось в течение нескольких лет и усилило интерес Пушкина к загадочной стране. В 1830 г. он подал прошение Бенкендорфу с просьбой разрешить ему посещение Китая вместе с отправлявшимся туда посольством. Но Пушкину было отказано под предлогом того, что штаты миссии уже укомплектованы.

Оставалось постигать неведомую страну только с помощью книг. Очень важным представляется стремление поэта познавать подлинный Китай, освобожденный от пресловутой экзотики, которая только мешает видеть суть. Один из исследователей проблемы считал, что «в 30-е годы Пушкин поехал бы в Китай не затем, чтобы смотреть фарфоровые башни и китайские безделушки. От пряной экзотики XVIII века он поднялся до подлинного постижения Востока, преодолел уже то понимание его, которое шло к нему из западной литературы» (1, 88).

Вот таким-искренним, внимательным, открытым для взаимопонимания увидели Пушкина китайские переводчики и сделали все от них зависящее, чтобы творчество русского поэта стало достоянием и китайского народа.

Не прекрасный ли это пример разрешения оппозиции Восток—Запад!

У китайского поэта Ай Цина есть стихотворение «Площадь Пушкина», написанное в Москве в 1950 г.

В час поздний осени иду сюда один,
 Чтоб лицезреть, поэт, задумчивый твой лик.
 Бурлит людской приборой. Шумит поток машин,
 И яркий свет на улице разлит.
 Эпоха промелькнула, будто миг,
 Сбылась мечта, созрел заветный плод.
 Посрамлены тираны. Козням их
 Победями отвечивал народ.

Перевод М. Басманова (2, 145).

Китайский поэт пишет о русском поэте, переводчик переводит с китайского на русский.

Круг замыкается, Восток подает руку Западу, чтобы, соединившись, стать, наконец, человечеством.

1. Алексеев М.П. Пушкин и Китай // Пушкин в странах зарубежного Востока. М., 1979.

2. Ай Цин. Слово солнца. М., 1989.

3. Иностранная литература, 1984. № 3.

4. Иностранная литература, 1984. № 11.

5. Петров В.В. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. М., 1960.

6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 16-ти т. М.; Л., 1937—1949. Т.6.

7. Черкасский Л.Е. Русская литература на Востоке. Теория и практика перевода. М., 1987.

8. Шнейдер М.Е. Русская классика в Китае: Переводы. Оценки. Творческое освоение. М., 1977.

SUMMARY. «Pushkin in China» is the title of the article by Candidate of Historical Sciences N. Lebedeva which is written for the 200th Anniversary of the birthday of the great Russian poet. The author emphasizes spreading Pushkin's works in China, their popularity among Chinese readers. N. Lebedeva stresses interaction, inter- influence of Russian and Chinese poetic cultures. In particular, the author stressed Pushkin's liking and interest to China and Chinese culture.